

тировку послания 1818 годом и, ссылаясь на письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому, считает, что «стихотворение... следует отнести к концу февраля или началу марта 1819 г., ко времени частых встреч Пушкина и Глинки в «Зеленой лампе» и журнальном обществе Н. И. Тургенева»¹. Заметим, что П. А. Вяземский постоянно был в курсе литературной жизни столицы, поэтому нельзя поверить, чтобы он не знал до марта 1819 года о стихах Пушкина, написанных якобы в июле-ноябре предыдущего года. В письме речь явно идет о совершенно новых стихах Пушкина, которые он только что написал. Нам остается согласиться с выводом А. Н. Шebuнина о датировке «Ответа на вызов написать стихи в честь императрицы Елизаветы Алексеевны».

Исходя из этого, можно утверждать, что не Пушкин подал Глинке мысль о кандидатуре Елизаветы Алексеевны на российский престол, как это утверждал А. Н. Шebuнин, а наоборот, Ф. Глинка и руководимый им «Соревнователь просвещения и благотворения» и та политическая агитационно-пропагандистская работа, которую вел Глинка и журнал, оказали существенное влияние на взгляды молодого Пушкина. Все это и обусловило появление послания «К Н. Я. П». «Таким образом, если даже Плюскова и просила Пушкина написать поздравительные стихи Елизавете, то истинным вдохновителем его был Ф. Глинка»².

Теперь становится понятным появление послания в «Соревнователе» именно в 1819 г., когда особенно активно и широко пропагандировалось имя Елизаветы Алексеевны, и А. С. Пушкин в этой пропаганде сыграл далеко не последнюю роль.

ПУШКИНСКАЯ ТЕМА ПОЭТА В ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЕ БОЛГАРИИ 1900-х—1930-х гг.

Е. Г. Метева

В девяностые годы прошлого века под влиянием новых социальных условий и под воздействием марксистской идеологии эстетический идеал болгарских поэтов начинает проникаться новой социальной направленностью. Это новое понимание искусства сближало болгарских поэтов 90-х годов с эстетической позицией Некрасова и объясняло широкое воздействие, которое он оказывал в это время на развитие общественной и литературной жизни Болгарии.

Внимание к творчеству Некрасова не уничтожало интереса

¹ А. Н. Шebuнин. Ук. соч., стр. 64—65.

² Б. Томашевский. Пушкин Кн. I (1813—1824). АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 181.

к поэзии Пушкина, но в известной степени ограничивало его. Болгарский писатель Тодор Влайков вспоминает, что в это время «идейные» стихотворения Некрасова заслонили перед его духовным взором чудесные произведения Пушкина, которыми он раньше так восхищался¹. Теперь из стихотворений Пушкина, посвященных теме поэзии, самой большой популярностью пользуются стихотворения «Эхо» и «Пророк», в которых утверждается общественная роль искусства. При этом в эстетическом толковании образа поэта-пророка отсутствует романтическая трактовка его божественной одаренности и творческой исключительности.

В этот период впервые переводятся те из гражданских стихотворений Пушкина, в которых его лирический герой выступает как гневный разоблачитель общественных пороков и борец за свободу («Вольность»)². Особенно привлекает болгарскую интеллигенцию образ томящегося в тюрьме и устремленного к свободе революционера из пушкинского стихотворения «Узник»³.

В самом конце XIX и в начале XX веков в связи с изменениями, наступившими в литературной жизни Болгарии, дифференцируется и отношение к поэзии Пушкина, и особенно к пушкинскому пониманию искусства. К этому времени в болгарской литературе начинают развиваться модные течения индивидуализма и символизма. В противовес этим течениям углубляется и утверждается литература критического реализма и развивается молодая пролетарская поэзия, проникнутая новой марксистской идеологией. Начавшаяся поляризация литературного процесса порождает и новые эстетические взгляды на роль и предназначение искусства. Постепенно оформляются две противоположные тенденции. Требование целенаправленной гражданской литературы впервые сталкивается с теорией «чистого искусства», оторванного от общественной жизни и революционной борьбы народа. Зарождается острая литературная полемика между буржуазным литературным журналом «Мысль» и органом Болгарской социал-демократической партии «Новое время». Самое активное участие в полемике принимают редакторы этих журналов: крупный буржуазный критик д-р К. Крыстев—теоретик «чистого искусства» и идеолог болгарской социал-демократической партии, защитник марксистского понимания искусства,—Дим. Благоев.

Обе группы прибегают в своей полемике к авторитету русских писателей, и особенно к тем из них, которые пользовались самым большим влиянием в русской и болгарской литературе,—к Пушкину и Некрасову. Впервые эстетические взгляды

¹ Т. Влайков. Из переживаного, 1942, стр. 222.

² Ода на свободата, Дума I, 1890, кн. 5—6.

³ Съветската литература в България, 1818—44, 1961, стр. 340.

на искусство этих крупных русских поэтов начинают противопоставляться друг другу. Защитники теории «искусство для искусства» искали в творчестве Пушкина опоры для своей эстетической позиции. Они ссылались на последние строки известного стихотворения Пушкина «Поэт и толпа», которые действительно давали возможность для подобного толкования. Поэтому и вспыхнувшая в начале века дискуссия о чистом и тенденциозном искусстве непосредственно связывалась с именем Пушкина.

В работах К. Крыстева и особенно в его программной статье «О тенденциозности и тенденциозной литературе», опубликованной в 1903 году в журнале «Мысль», автор категорически отвергает тенденциозную литературу, объявляя ее эстетической аномалией. Искусство, по его словам, является «фантастической и произвольной игрой фактов, лишенных всякого объективного значения»¹. В другой работе идеолог «чистого искусства» утверждал, что инстинкт и иррациональный импульс в поэзии могут свободно заменить мысль².

В подкрепление своей позиции автор прибегает к примеру таких мировых писателей, как Гейне, Гете, Пушкин.

Хотя К. Крыстев не останавливается специально на эстетических позициях Пушкина, ясно, что он относит его к представителям «чистого искусства», творящим по художественному инстинкту, для которых идея, тенденция не только чужды, но и опасны.

Взгляды редактора «Мысли» на искусство разделял в той или иной степени и Пенчо Славейков, который тоже отвергал тенденциозную, идейно направленную литературу и теоретически защищал «чистое» вдохновение поэта, оторванное от конкретных общественных задач времени. Тем не менее, эстетическая позиция Славейкова и особенно его отношение к русскому поэту были своеобразны. Если для К. Крыстева Пушкин был преимущественно поэтом художественной интуиции, мастером изящной художественной формы, то в статьях, посвященных столетию со дня рождения Пушкина, Славейков восхищался мужественной мыслью поэта, которая позволяла ему критически оценивать окружающую его действительность и приводила его к трагическому разрыву с нею.

Объясняя конфликт Пушкина с толпой, Пенчо Славейков связывал его в той или иной степени с собственным отношением к окружающей его болгарской действительности. Под толпой, однако, он теперь понимал не только буржуазное мещанство, но и представителей социал-демократической партии, защитников «идейного» искусства, группировавшихся около журнала «Новое время».

¹ Мысль, XIII, 1903, кн. 2, 5, 7.

² Мысль, XI, 1904, кн. 10, стр. 646.

Враждебное отношение Славейкова к марксистской «тенденциозности» искусства сближало его с К. Крыстевым и превращало в борца против требования партийности литературы, которое отстаивал Д. Благоев, сыгравший в полемике тех лет огромную роль.

Полемизируя с К. Крыстевым, Д. Благоев утверждает, что нет ни одного крупного произведения художественной литературы, в котором бы не участвовала мысль писателя, не скрывалась бы его точка зрения на действительность. Он ставил в пример Шекспира, Мольера, Сервантеса, а из русской литературы—Пушкина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина. Этим он резко отвергал попытки буржуазной критики представить основоположника русской литературы только художником формы, стоявшим в стороне от развития общественной мысли. Благоев объяснял известное стихотворение Пушкина «Поэт и толпа» в свете художественной полемики великого поэта с его бездарными критиками. «Этим Пушкин доказывал,—гневно писал Дим. Благоев,—только то, что он презирал толпу, т. е. своих критиков»¹. Болгарский теоретик дал резкий отпор буржуазной эстетической критике, которая старалась превратить Пушкина в своего идеолога. Но не все сотрудники социалистического журнала «Новое время» могли сочетать верные эстетические послышки с правильной интерпретацией творчества Пушкина. Некоторые из них видели в его лице теоретика «искусства для искусства» и относились к нему как к идеологическому противнику. Так, например, разоблачая наметившиеся в болгарской литературе тенденции модернизма, Иван Клинчаров отстаивал гражданские традиции Некрасова и Надсона, противопоставляя им Пушкина.

« В его творчестве,—писал он,—есть все, и поэзия, и музыка, и кисть художника..., одного только нет—нет того, что одержат стихотворения Некрасова, Надсона. Нет вечного огня, называемого мыслью»².

Иногда даже социалистическая критика шла дальше буржуазной в неправильной оценке великого русского поэта. Особенно резко отрицательную позицию в отношении к Пушкину занял неизвестный сотрудник «Нового времени» Т. М.-ов. В своей статье «Пушкин в восприятии Пенчо Славейкова»³ он, в пылу полемики с врагами тенденциозного искусства, отвергал и великого русского поэта, представляя его только как узкого защитника поверхностного, оторванного от реальной жизни искусства. В презрительном обращении Пушкина к светской

¹ Дим. Благоев, Поет и общество. Ново време, III, 1899, кн. 3, стр. 423.

² К. Клинчаров. Нашите поети и елементите в новата на поезия, «Ново време», V, 1901, кн. I, стр. 49.

³ «Ново време», III, 1899, кн. VI, стр. 714—25.

голле, он видел проявление преступной незаинтересованности в судьбе народа и полного равнодушия к общественной жизни страны.

Подобные оценки объяснялись известным социологическим уклоном и недостаточной теоретической зрелостью некоторых сотрудников «Нового времени». Для марксистской критики в целом они были все же не характерны

Начавшаяся в первые годы XX века полемика о назначении искусства, в которую было вовлечено творчество Пушкина, постепенно затихла. После разделения в 1903 году болгарской социал-демократической партии на «тесных» и «широких» социалистов перед сотрудниками «Нового времени» встали задачи идеологической борьбы с оппортунистическими тенденциями социалистического движения Болгарии.

* * *

Победа Великой Октябрьской революции и неудачный для Болгарии конец первой мировой войны привели к большим сдвигам в общественной и литературной жизни страны. Революционный дух эпохи ярко сказался в литературе. Зародившаяся в начале XX века пролетарская поэзия переживает новый большой подъем, а символизм, который утвердился в первых двух десятилетиях XX века, быстро распадается. Многие из поэтов, принадлежавших к этому течению, перешли в ряды пролетарской и антифашистской литературы. Эстетический идеал пролетарских поэтов теперь включает критерии коммунистической партийности и революционного оптимизма. Нарастает интерес к русской и советской поэзии. Теперь впервые переводится ряд стихотворений Пушкина, проникнутых идеями декабризма («Деревня», «Чаадаеву», «В Сибирь»). Известный пролетарский поэт Димитр Полянов в своем стихотворении «Суд бессмертных», посвященном второй годовщине Великой Октябрьской революции, называет Пушкина наряду с другими выдающимися русскими писателями, предтечей революции.

Выдающийся пролетарский поэт Болгарии Христо Смирненский, по признаниям его товарищей, страстно увлекался свободолюбивым пафосом пушкинской поэзии. Он говорил о его творчестве «с увлечением и вольнением», называя Пушкина борцом за «лучшую жизнь человечества»¹. В высказываниях Полянова и Смирненского о Пушкине намечалось новое отношение болгарской литературы к русскому поэту. Пролетарские писатели искали в его творчестве то, что больше всего приближало его к их собственному общественному идеалу. Они актуализировали эстетическую позицию Пушкина, связывая ее с интернациональной борьбой пролетариата.

¹ Спомени за Христо Смирненски, 1959, стр. 62.

И, однако, в оценке творческой позиции русского поэта болгарская пролетарская литература не была еще вполне единой и последовательной. Давала себя знать инерция старого отношения к Пушкину как к защитнику теории «искусства для искусства». Такую оценку русского поэта встречаем в книге Георгия Бакалова «Беседы об искусстве» (1924). Но в то же время Бакалов подчеркивает, что если для русского поэта требование чистого вдохновения связывалось со стремлением к творческой независимости художника, то в дальнейшем это требование превратилось в идеологическое прикрытие реакционной тенденциозности искусства.

* * *

В тридцатые годы вульгарные представления о позиции Пушкина, встречавшиеся в болгарской марксистской критике, изживаются. Этому способствовала общая ориентация партии.

Существенную роль в окончательном преодолении неправильного взгляда на Пушкина как на защитника «чистого искусства» сыграл пушкинский юбилей в 1937 году, празднование которого получило широкий политический резонанс. В лице Пушкина прогрессивная болгарская общественность выражала свою любовь к великой родине поэта. На торжественном собрании в честь Пушкина болгарская актриса Марта Попова пламенно читает стихотворение Лермонтова «На смерть поэта», вызывая бурный восторг публики. «Это стихотворение прозвучало тогда,—вспоминает один из участников собрания,—как страстный революционный призыв против угнетателей болгарского народа. Зал был охвачен восторгом и нескончаемыми овациями встретил правдивую мысль поэта и смелую актрису, которая за свою дерзость была после этого интернирована куда-то в провинцию»¹. Великому русскому поэту была посвящена специальная мемориальная листовка, в которой приняла участие почти вся прогрессивная болгарская общественность. Пушкину посвятили стихи лучшие пролетарские антифашистские поэты Никола Вапцаров, Младен Исаев, Ангел Тодоров, Мария Грубешлиева, Пантелей Матеев и др. Статьи о Пушкине писали самые известные критики и писатели марксисты и антифашисты во главе с Тодором Павловым, Г. Бакаловым, Л. Стояновым и многие другие.

В этой богатой литературе особое место уделено было вопросу о творческой позиции Пушкина, причем пролетарская критика решительно отказалась от неправильного противопоставления поэзии Пушкина гражданской музе Некрасова. Этой проблеме были посвящены статьи Георгия Цанева «Пушкин

¹ Сб. Съветскага литература в България, 1961, стр. 220.

о поэте и поэзии»¹, Анг. Годорова «Пушкин и Некрасов»², Г. Бакалова «Искусство—функция общественной жизни»³, Г. Константинова «Пушкин и свобода творчества»⁴ и др. Пролетарская антифашистская критика старается прежде всего выяснить социальный адрес гневных обвинений поэта. Она устанавливает на основе новых советских источников, что под чернью Пушкин понимал высшую дворянскую аристократию. Г. Бакалов⁵ приводит в доказательство известный случай, когда поэт прочитал стихотворение «Поэт и толпа» в аристократическом салоне княгини Зинаиды Волконской и потом с удовлетворением говорил: «В другой раз не будут приставать». Последние стихи «Поэта и толпы» истолковываются как полемическая защита Пушкиным автономии искусства и духовной свободы творца. Подобное понимание стихотворения было уже известно в болгарской критике со времен Пенчо Славейкова. Теперь, однако, оно получало новое политическое звучание, превращаясь в обвинение политической реакции в Болгарии, правительство которой всячески ограничивало свободу художественного слова.

Интересно, что не только в пролетарской и антифашистской, но и в буржуазной литературе Пушкин воспринимается как поэт высоких общественных и гуманистических идеалов. Так, в статье «Пушкин и свобода творчества», напечатанной в буржуазном литературном журнале «Златорог», Г. Константинов видит выражение настоящей творческой позиции Пушкина не в стихотворении «Поэт и толпа», а в «Памятнике», в котором он утвердил свободолобивый гуманистический идеал художника.

Подобное отношение буржуазной печати к Пушкину определялось характером самой эпохи, в которую, по словам Георгия Бакалова, «вряд ли кто осмелится открыто заступаться за «чистое искусство». «Все теперь исходит из положения, что искусство служит жизни. Но каждый по своему решает вопрос «кому и как»⁶.

¹ А. С. Пушкин, Сто години от смъртта .. 1937, стр. 10, бр ед.

² Час, III, 1937, бр. 26.

³ Заря, XV, 1937, бр. 46—48.

⁴ Златорог, XVIII, 1937, кн 1.

⁵ Заря, XV, 1937, бр. 4648.

⁶ Заря, XV, 1937, бр. 4648.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ГОРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

А. С. ПУШКИН
Статьи и материалы

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск 115

ГОРЬКИЙ 1971